

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-148-154
УДК 811.11-112 – 821.112.2

Дата поступления статьи: 17/I/2019
Дата принятия статьи: 22/II/2019

Г.В. Кучумова, Н.В. Барабанова

«СМЕХОВОЕ СЛОВО» КАК СРЕДСТВО ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНАХ ТОМАСА БРУССИГА

© Кучумова Галина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: gal-kuchumova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

© Барабанова Наталья Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: trommel@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9458-0875>

АННОТАЦИЯ

Исторические события последних десятилетий XX века в Германии, крах коммунистической идеологии, крушение «великих нарративов» и постмодернистская художественная практика в корне изменяют природу «смехового слова» (термин М. Батина) и среду его бытования. В постмодернистской реальности «смеховое слово» утрачивает драматизм и горечь, оно живет теперь в яркой стихии языковых игр.

Цель данного исследования – рассмотреть потенциал «смехового слова» в новых историко-эстетических обстоятельствах, его функции и активное участие в процедурах деконструкции идеологических построений социализма в ГДР на материале художественных проектов немецкого писателя Томаса Бруссига.

«Смеховое слово» Томас Бруссиг использует в качестве универсального средства демифологизации для разрушения идеологического содержания мифов социализма. В анекдотических историях романа «Солнечная аллея» «смеховое слово» рассматривается в забавных языковых играх: шаржирование, «смеховой жест», «черный юмор», игра с контекстами, нарочито неправильное употребление слова, избыточное использование коммунистической риторики. В романе «Герои вроде нас» связка «смеховое слово»/«смеховой жест» включается в постмодернистские языковые игры «на понижение»: откровенная пародия, гротеск, окказионализмы, эвфемизмы, игровая стихия имен, сексуальная перверсия. Здесь же указывается на визуальное подкрепление «смехового слова»: игра с графическим написанием, использование курсива и разбивки в словах. Акцентируется амбивалентность «смехового слова»: разрушать старые мифы и создавать новые.

В исследовании использованы лингвистический метод интерпретации и метод интертекстуального анализа.

В результате проведенного исследования сделаны выводы о значимости «смехового слова» в процедурах демифологизации и в языковых играх «на понижение».

Ключевые слова: «смеховое слово», языковая игра, демифологизация, Томас Бруссиг, юмор, анекдот, «Солнечная аллея», пародия, гротеск, «Герои вроде нас».

Цитирование. Кучумова Г.В., Барабанова Н.В. «Смеховое слово» как средство демифологизации в романах Томаса Бруссига // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 1. С. 148–154. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-1-148-154>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

G.V. Kuchumova, N.V. Barabanova

«LAUGHTER WORD» AS A MEANS OF DEMYTHOLOGIZATION
IN THE NOVELS BY THOMAS BRUSSIG

© Kuchumova Galina Vasilevna – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: gal-kuchumova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

© Barabanova Natalia Vitalevna – Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: trommel@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9458-0875>

ABSTRACT

The historical events of the last decades of the twentieth century in Germany, the collapse of the Communist ideology and the «great narratives» and the new postmodern artistic practice radically change the nature of the «laughter word» (M. Bakhtin) and its existence. In postmodern literature the «laughter word» loses its drama and bitterness, it now lives in the bright element of language games.

The purpose of this study is to consider the potential of the «laughter word» in the new historical and aesthetic circumstances, its functions and active participation in the procedures of deconstruction of ideological constructions of socialism in the GDR on the base of the postmodern projects by German writer Thomas Brussig.

In T. Brussig's novels the «laughter word» is used as a universal means of destruction of the ideological content of the myths of socialism (demythologization).

In the anecdotal stories of the novel «Am kürzeren Ende der Sonnenallee» the «laughter word» is considered in funny language games: caricature, the «laughter gesture», «black humor», playing with contexts, deliberately misuse of words, excessive use of Communist rhetoric.

In the novel «Helden wie wir» the connective of the «laughter word» and «laughter gesture» is included in the postmodern language game «on the decline»: parody, grotesque, occasionalism, euphemisms, game element names, sexual perversion. It also points to the visual using of the «laughter word»: a game with graphic writing, the use of italics and breakdown in words.

The ambivalence of the «laughter word» is emphasized to destroy old myths and create new ones.

A linguistic method of interpretation and the method of intertextual analysis is used.

In this the study the conclusions about the importance of the «laughter word» in the procedures of demythologization and in the language games «on the decline» are made.

Key words: «laughter word», language game, demythologization, Thomas Brussig, anecdote, humor, «Am kürzeren Ende der Sonnenallee», parody, grotesque, «Helden wie wir».

Citation. Kuchumova G.V., Barabanova N.V. «Smekhovoe slovo» kak sredstvo demifologizatsii v romanakh Tomasa Brussiga [«Laughter word» as a means of demythologization in the novels by Thomas Brussig]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 1, pp. 148–154. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-1-148-154> [in Russian].

Введение. В 1990-е годы после краха коммунистических утопий и «больших нарративов» наступает время обрушения идеологических построений, наработанных как гарантов смысла и содержательности жизни человека. Конкретные исторические события в Германии – крушение Берлинской стены, границы между двумя политическими системами, повлекли за собой осмысление социалистического прошлого ГДР, находившейся 40 лет (1949–1989) под опекой «Старшего Брата» в лице СССР. Именно в эти годы на литературную арену выходит поколение молодых литераторов, для которых единственно актуальными формами работы с травматическим прошлым становятся ирония, мягкий

юмор, анекдот, смех, пародия, гротеск. Восточно-немецкие писатели формируют целый архив иронических, гротескных и карнавальных высказываний о социалистическом прошлом. Заявленная в их творчестве игровая стратегия соответствует четко осознанной потребности немецкой литературы 1990-х годов через «смеховое слово» (термин М. Бахтина) организовать коллективные эмоции восточных немцев, канализировать их чувство радости и свободы от идеологических пут, снять социальные напряжения.

Концепция «смехового слова», разработанная М. Бахтиным еще в 1930–1960-х на материале творчества Ф. Рабле, оказалась продуктивной в совре-

менном поле филологии. Однако теперь «смеховое слово» живет в иных историко-эстетических обстоятельствах, реализуется в новой социокультурной среде и новых художественных проектах.

Современные исследователи уделяют пристальное внимание лингвистическим аспектам «смехового слова». По определению М. Бахтина, «смеховое слово» предстает своего рода гибридной конструкцией, проявляющей себя в словесно-смеховых произведениях [Бахтин 2012, т. 4, с. 27]. Наряду с тропами используются многообразные формы непрямого употребления языка иного рода: ирония, юмор, пародия, шутка, анекдот, гротеск. Все эти способы выражения смеха актуализируют его особую «способность как бы вылуцивать предмет из окутавших его ложных словесно-идеологических оболочек» [Бахтин 2012, т. 3, с. 484]. И потому «смеховое слово», обладающее огромным деструктивным потенциалом, активно используется в процедурах демифологизации, то есть низвержения отживших языковых клише, идеологических конструкций и мифов прошлого [Кучумова 2009].

Цель данного исследования – рассмотреть потенциал «смехового слова», его функции и активное участие в процедурах деконструкции идеологических построений социализма в ГДР на материале романов Томаса Бруссига.

«Смеховое слово» и его использование в романах Т. Бруссига. Восточногерманский писатель Томас Бруссиг (*Thomas Brussig*, р. 1964) ярко и феерично осуществляет ревизию ценностей социалистического государства восточной Германии и деконструкцию образа-мифа «Старший брат», утратившего свое могущество после 1989 г. В его романах «смеховое слово» «подрывает» сложившуюся в ГДР психологию *homo soveticus*, опрокидывает сложившиеся этические нормы, дискредитирует метаязык. Задачу деконструкции идеологической надстройки Бруссиг доверяет самому языку. Писатель работает с языком, который целиком и полностью оброс мифами, стал анонимной и бесформенной массой стереотипных представлений и клише. Бруссиг использует известный деструктивный прием – сопротивление языку осуществляется в рамках самого языка [Луман 2005].

Смех Бруссига отличен от «смеха изобличающего, бичующего, соприродного сатире, в сущности, несмеющегося риторического смеха» [Бахтин 1965, с. 59]. Постмодернистский смех – иной природы, он не содержит драматизма и горечи, напротив, порождает парадоксальный эффект, когда травматический опыт воспринимается как позитивный. Подчиненное постмодернистской тенденции смещения массового и элитарного, смешного и серьезного, «смеховое слово» во многом сглаживает драматизм тоталитарного времени. Через «смеховое слово» передается ироничное отношение молодого поколения к историографии как конструкту, так что целая историческая эпоха воспринимается как анекдот или гротеск.

В постмодернизме «смеховое слово» погружено в стихию языковых игр. Языковая игра (в макси-

мально широком понимании термина) предполагает особое внимание к языковой форме. Она непосредственно связана с ситуацией неожиданности и выступает как контекст, как определенная, исторически сложившаяся форма деятельности [Витгенштейн 1985, с. 79–97]. Как один из способов обогащения языка языковая игра значительно расширяет полномочия «смехового слова» в широком контексте постмодернистских «смеховых жанров» (роман-анекдот, роман-гротеск, роман-пародия).

В романе «Солнечная аллея» (*Am kürzeren Ende der Sonnenallee*, 1999) Бруссиг обыгрывает социалистическое прошлое ГДР в забавных анекдотических историях. Анекдот представляет собой достаточно сложный тип языковой игры «на понижение» [Елисеева 2015, с. 75]. Именно в пространстве анекдота, этого специфического речевого жанра, происходит приближение человеческого сознания к языку вплотную, когда читатель/слушатель погружается в сам язык. Разрушая языковой ритуал, анекдотическая ситуация обнажает все механистическое, искусственное, мертвое, отжившее. Обладая богатым ресурсом для осуществления деконструктивных игр, «смеховое слово» высмеивает авторитеты, правящую власть, пародирует официальные культурные мифы, разрушает устрашающий символ «Старшего Брата», в котором новая реальность объединенной Германии уже не нуждается [Wiener 2003].

Добрый смех Бруссига направлен на рядового восточногерманского бюргера, долгое время находившегося в идейной собственности государства и ставшего объектом манипулирования господствующей идеологии. В центре анекдотических историй – семейство Куппиш и компания друзей (Миха, Марио, Очкарик, Волосатик, Толстый и девушка Мариам), веселые образы-шаржи которых представлены в романе. Все они живут в Восточном Берлине, в самом конце улицы «Солнечная аллея», территориально «разрезанной» Стеной, так что основная ее часть располагается в Западном Берлине. Именно на этой границе и происходят забавные истории с подростками и их родственниками.

Характерно, что в романе все законопослушные персонажи (родители, учителя, стражи порядка) – это фигуры, рационально выстроенные, скучные, по сути, несюжетогенные. Такие фигуры весело сбрасывать с «серьезного» пьедестала. Комичны стражи порядка, таможенники, служащие государственных органов, мелкие чиновники, а также учителя, воспитатели, реализующие программу воспитания «нового человека». Смешны и родители школьников, раболепствующие перед указаниями партии СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии). У матери Михи доминирует состояние восторженного энтузиазма, в котором пребывала большая часть восточных немцев при опеке «Старшего брата». Фрау Куппиш прилагает немало усилий, чтобы ее семья была на хорошем счету, имела безупречную репутацию. В ее образцовой семье непременно читают патриотическую газету *Neues Deutschland* («Новая Германия», аналог газеты

«Правда»). Стараясь угодить властям, фрау Куппиш публично называет своего сына на русский лад Мишей. Дома она готовит на обед солянку, согласно стереотипным представлениям немцев о русских, – любимое блюдо русской кухни. Фрау Куппиш мечтает об учебе сына в гимназии с углубленным изучением русского языка. Лучшие выпускники этих учебных заведений, которые в народе прозвали «красные монастыри» (*Rote Kloster*), имели право без экзаменов поступать в ведущие университеты СССР, чтобы позже сделать карьеру на дипломатическом поприще. *Erst ins Rote Kloster, und jetzt leckst du dir auch noch die Finger nach dem Russenfraß. Du wirst so'n richtig russischrotes Arschloch!* (Brussig 1999, S. 23). В дерзком сравнении *das rote Kloster – das russischrote Arschloch* с использованием обценной лексики Бруссиг передает отношение восточных немцев к красной символике «Старшего брата» («красных смех»).

Внутренне свободными предстают в романе школьники-подростки. Они противодействуют идеологическому давлению системы своим неучастием в ней, с юмором и шутками уклоняясь от «генеральной линии» партии. В романе есть забавная сцена с использованием «смехового жеста»: немецкие школьники разыгрывают перед туристическим автобусом сцену, типичную картинку из прессы – голодные дети с протянутой рукой выпрашивают подарки от богатых туристов западного мира. *Aber diese Diskussionen fanden meist ein Ende, wenn ein Touristenbus über die Grenze in den Osten gerollt kam. Dann rannten Mario und Micha auf den Bus zu, streckten die Hände bettelnd vor, rissen die Augen auf und riefen: Hunger! Hunger!* (Brussig 1999, S. 14). Здесь автор использует снижающее перекодирование: благополучный коммунистический режим под властью «Старшего брата» не обеспечивает своих граждан этим благополучием.

Дискредитация тоталитарного языка осуществляется у Бруссига в языковых играх, использующих особый лексико-стилистический прием. В этом случае намеренно допускается неправильность (необычность) употребления слова. Например, шутник Марио, редактируя лозунг в школьном вестибюле *DIE PARTEI IST VORHUT DER ARBEITERKLASSE*¹, шутливо подменяет слово *Vorhut* (авангард) на эпатажное и неуместное в данном контексте *Vorhaut* (передняя плоть). В романе эта проделка поддается интерпретации как свернутый анекдот, рассматриваемый в рамках фрейдовской теории комического. Подобные языковые игры помогают снять напряжение социальных ограничений и личных травматических воспоминаний.

Интересны в романе эпизоды с процедурой перевоспитания молодых людей в духе идей социализма на собраниях Союза свободной немецкой молодежи (*Freie Deutsche Jugend, FDJ*). В речи комсомольских лидеров слышна коммунистическая ри-

торика, обыгрываемая автором в многократных лексических повторах пустого, не несущего смысловой нагрузки слова *sogenannt*.

Der Parteimensch wandte sich an Micha und sagte eiskalt: Wenn dein sogenannter Freund jetzt nicht zur sogenannten Besinnung kommt, wird er einen sogenannten Rausschmiss erleben! Mario schrie ihn an: Ich komme aber nicht zur sogenannten Besinnung! Und nun kam noch ein Wort ins Spiel, das niemand kannte: Relegation (Brussig 1999, S. 27).

В забавных сравнениях Бруссиг опрокидывает сложившиеся этические нормы и идеологические стереотипы в сознании восточных немцев. Например, взгляд на сталинские лагеря в Сибири со стороны родителей Михи и с позиции западногерманского родственника:

Und wenn ihr unterm Iwan nicht mal Telefon habt, dürft ihr ihn nicht nach Russland schicken! Wie soll er euch denn von Wölfen umzingelt, aus seiner Blockhütte anrufen? (Brussig 1999, S. 21).

Er hatte nichts gegessen, weniger als im Lager in Sibirien! wie er verkündete, und täglich Gewichte gestemmt (Brussig 1999, S. 23).

«Смеховое слово» у Бруссига попадает и в зону «черного юмора», содержащего незлобную насмешку над смертью человека. Так происходит в рассказе о западногерманском дядюшке Хайнце, который контрабандой переправлял своим родственникам в Восточный Берлин дефицитные товары, в том числе банки с растворимым кофе. По иронии судьбы после смерти дядюшки его прах тайно пересекает границу в той же емкости из-под кофе.

В романе «смеховое слово» часто подкрепляется «смеховым жестом». Финальная анекдотическая история: Марио и его подруга, у которой начинаются родовые схватки, торопятся на автомобиле в роддом. Дорожная полиция их останавливает, приказывая пропустить вперед правительственный кортеж машин с советской делегацией. На отчаянные жесты Марио один из лимузинов останавливается, из него выходит русский, «на лбу у него выделялось родимое пятно». Движением руки русский останавливает ливень, а затем сам принимает роды. Не назвав своего имени, «русский кудесник» садится в машину и уезжает. Здесь «смеховой жест» направлен на узнаваемую фигуру политического деятеля, «спасителя Германии», сотворившего чудо – разрушение Берлинской стены.

«Смеховое слово» – как универсальное средство демифологизации – используется Бруссигом для конструирования «смехового мира» и в другом его романе «Герои вроде нас» (*Helden wie wir*, 1995). Роман демонстрирует «карнавализацию социалистического гуманизма» [Mentalitätswandel... 2000, S. 34]. И хотя название романа никоим образом не отсылает нас к роману Гюнтера Грасса (Günter Grass, 1927–2015) «Жестяной барабан» («Die Blechtrommel», 1957), но аллюзии на него здесь

¹ ПАРТИЯ – АВАНГАРД РАБОЧЕГО КЛАССА. Все графические выделения (курсив, заглавное написание букв и др.) в приводимых здесь цитатах даются в редакции Т. Бруссига.

очевидны. У Грасса — маленький бунтарь, карлик с детским барабаном на шее, у Бруссига — пионер-тельмановец со своим «маленьким барабанщиком», выведенный в зону сексуальной перверсии. У Гюнтера Грасса XX век — гротескный образ гибнущего, погрязшего в этических и идеологических противоречиях человечества, страшен, у Бруссига — это веселый образ карнавального шествия старых фигур и отживших нарративов.

Виртуозная игра писателя с языком способствует деавтоматизации мышления, размалыванию идеологических и прочих клише. Деструктивные языковые установки — использование окказионализмов, обсценной лексики, гротеска, натуралистических описаний — значительно усиливают протестные интонации в романе. Для демонтажа коммунистической идеологии Бруссиг использует разнообразные формы сексуального гротеска. Семантическое низвержение элементов идеологических построений (ленинские высказывания, партийные лозунги, плакаты) до естественных потребностей человека и его физических отправления — такая стратегия «на понижение» вызывает неоднозначную рефлексию читателя на смысловой сдвиг.

Идеологические и политические события времен падения Берлинской стены «перекодируются» в сексуальные эпизоды из жизни эпатажного героя. Герой-рассказчик, отмеченный преждевременным рождением от грохота советских танков в Праге 1968 года (события «пражской весны») и нареченный трудно выговариваемым именем Клаус Ультцшт (*Uhltszcht*), становится носителем «смехового слова» и «смехового жеста». Сексуально озабоченный своим «маленьким барабанщиком» (эвфемизм для обозначения мужского детородного органа), пионер-тельмановец рассказывает историю падения Берлинской стены и свою собственную. *Die Geschichte des Mauerfalls ist die Geschichte meines Pinsels* [Mentalitätswandel... 2000, S. 167].

В романе заявлена комическая пара — всеильный «Старший брат» и «младший брат», герой-подросток из бывшей ГДР, исполняющий песню маленького барабанщика². *Ich lernte das Lied vom Kleinen Trompeter* [Brussig 1998, S. 97]. Здесь важна проблема соотношения двух масштабов: несоответствие между историческим событием крушения Берлинской стены, материального воплощения коммунистической идеологии, и восприятием его школьником. Роман завершается изображением победоносного крушения стены: герой пробивает своим «маленьким барабанщиком» (в прямом смысле!) Берлинскую стену. Этим «смеховым жестом» обозначен акт крушения социалистического порядка.

«Смеховое слово» в романе нацелено главным образом на «вербальный культ» марксизма-ленинизма, осуществляемый в жизни восточных нем-

цев через сообщества единомышленников (партия/комсомол). Типичные для того времени идеологемы автор трактует в трагическом, абсурдистско-комедийном ключе. Так, фигуры основоположников марксизма-ленинизма (К. Маркс, Ф. Энгельс) обыгрываются в духе культуры потребления: значимость исторических деятелей «монетизируется».

Ich glaube, mich kriegten sie auch mit dieser historischen Mission. Mission! Historisch! Dass es so etwas gab! Das war's, was ich brauche! Aha, Karl Marx (der vom Hundertmarkschein) und Friedrich Engels (Fünzigmarkschein) hatten die historische Mission der Arbeiterklasse entdeckt [Brussig 1998, S. 103].

Бруссиг признает за поколением молодых людей право на деконструкцию авторитарного языка социализма в озорных языковых играх. Автор акцентирует, что в своей глобальной функции русский язык в школах ГДР как обязательный предмет стал языком в определенном смысле коммунистической экспансии. Герой романа иронично обыгрывает высказывание Максима Горького «Человек — это звучит гордо!» — *Ein Mensch — wie stolz das klingt!* [Brussig 1998, S. 70]. Через эту цитату, помещенную в новый контекст, Бруссиг выражает свое отношение к социалистической системе, на долгие годы превратившей слова Горького в символ этой системы. Здесь же автор демонстрирует игру слов в поле сексуальных фантазий своего героя, акцентируя чрезвычайно важную функцию языковой игры — языкотворческую. *Maximgorki mit Maxigurki* (Brussig 1998, S. 70).

В зоне особого прицела Бруссига — авторитарный язык коммунистической идеологии, реализующей на практике бесконечное «мертвоговорение». Цитаты из литературных произведений и трудов классиков марксизма-ленинизма вводятся автором в смеховую зону, включаются в языковые игры «на понижение». Типичные для того времени имиджи писателей Бруссиг снижает в абсурдном плане. Так, идеологическое содержание романа Кристи Вольф «Расколотое небо» (*Der geteilte Himmel*, 1963) Бруссиг перекодирует в сексуальное (*der geheilte Pimmel*) с использованием пародийных эротических эвфемизмов (*Pimmel* рифмуется с *Himmel*, *Trommel*). В целом откровенная пародия, игровая стихия имен, комедийный эффект, гротеск, «черный юмор», сексуальная перверсия, нарочитая детализация — все это работает у Бруссига на низвержение идеологических построений и языковых клише социализма.

В романах Бруссига «смеховое слово» получает дополнительную визуальную поддержку. Деконструкция старых схем и стереотипов осуществляется средствами визуализации художественного текста и определяет особую его организацию с использованием замысловатых вербально-визуальных конфигураций [Кучумова 2017, с. 321–334].

² Известная немецкая коммунистическая песня о маленьком барабанщике (*Der kleine Trompeter*), запрещенная в нацистские годы, во времена ГДР имела большое значение в деле патриотического воспитания молодежи.

Бруссиг использует средства шрифтовой акцентации (прописной шрифт, разбивка, курсив и др.), что позволяет ему осуществлять «переакцентуацию» [Бахтин 1986, с. 450]. У Бруссига «переакцентуация» служит способом пародийного переосмысления текстов официальной культуры и идеологических штампов. Авторские инновации апробируются, например, в акустике. Звукоподражательную тенденцию иллюстрирует следующий пример (непристойные звуки онанирующего героя, пренебрежительная позиция которого к органам власти очевидна). В воображаемом письме героя министру культуры графическое изображение звуков в тексте передается курсивом. *Genosse Minister, – flogg flogg flogg – gestatten Sie, dass ich, – flogg flogg flogg – es war sozusagen meine proletarischen Pflicht...* (Brussig 1998, S. 196). Это аналогично изображению «речевых пузырей» в комиксах. Так Бруссиг пародийно воссоздает процесс пустого словоизвержения чиновников и образование в их речи «идеологических пузырей».

«Смеховое слово» в анализируемых романах Бруссига двунаправленно. В яркой языковой игре, новых неожиданных контекстах, визуальной подаче слова, в связке «смеховое слово» / «смеховой жест» автор разрушает идеологические построения, иронично и гротескно изображая искусственность социалистической системы и мнимое всеисие «Старшего брата». Вместе с тем он искренне ностальгирует по старым добрым временам, по «ушедшей натуре». «Смеховое слово» становится у Бруссига коллективным, «всенародным», что создает атмосферу социального единения на почве жизне-радостного чувства свободы, осуществляет поиски культурной идентичности восточных немцев.

В романе «Герои вроде нас» ностальгирующий герой ставит перед собой задачу составить каталог достижений социалистического общества, *die Kartei neuen Typus* (Brussig 1998, S. 247) (здесь прием комической абсурдизации ленинского высказывания «партия нового типа»). Архив собранных им документов прошлого (культурные феномены, прецедентные имена, архитектурные символы, предметы социалистического быта) вербально эксплицирует в романе значимый для восточных немцев образ ГДР.

Ernst Thälmann-Pioniere, Ernst Thälmann-Teddy, das Lied vom Kleinen Trompeter, Frösi, Trommel, Hänsel und Gretel, NBI, die Messe der Meister von morgen, die DDR-Fahne, Gagarin-Büste im Ferienlager, Rot Front, Genosse! BZ am Abend, Mensch ärgere dich nicht, Dagmar Frederic, Katarina Witt, Stasi, das Haus der Deutsch-Sowjetischen Freundschaft, Wende, Sozialismus.

В таком преувеличенном внимании к архивным документам заключена не только тоска восточных немцев по родине, но и четкое понимание того, что большой «культурный эон» практически завершен. Так, в ностальгическом модусе автор реанимирует прежние мифы (социалистический рай,

заботливый «Старший брат»), воссоздавая из фрагментов социалистического миропорядка старый новый образ-миф ГДР.

Заключение. Используя богатый ресурс «смехового слова», Бруссиг разрушает прежние идеологические построения и мифы социализма, переводит их в зону смешного, неопасного. Деконструкция мифологических образований осуществляется в стихии языковых игр «на понижение». Подача слова в новой «подсветке», в новых неожиданных контекстах, замена «эмоционального очищения», как при восприятии высокой культуры, более действенным «критическим катарсисом» позволяет читателю занять «смеховую», отрезвляющую позицию по отношению к демистифицированной реальности.

Источники фактического материала

- Brussig 1999 – *Brussig Thomas*. Am kürzeren Ende der Sonnenallee. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1999. 172 S.
Brussig 1998 – *Brussig Thomas*. Helden wie wir. Frankfurt /Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 325 S.

Библиографический список

- Mentalitätswandel... 2000 – *Mentalitätswandel in der deutschen Literatur zur Einheit* (1990–2000). Wehdeking Volker (Hrsg.) Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2000, 248 p.
Wiener 2003 – *Wiener Ralph*. Hinter vorgehaltener Hand – der politische Witz in Deutschland. Leipzig: Militzke, 2003, 221 p.
Бахтин 1996–2012 – *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.
Бахтин 1965 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 543 с.
Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. 543 с.
Витгенштейн 1985 – *Витгенштейн Л.С.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая грамматика. С. 79–97.
Елисеева 2015 – *Елисеева А.В.* Анекдотический дискурс о национальностях и странах в немецкой литературе рубежа XX–XXI веков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 74–79. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2015_-_2-2_unicode/12.pdf.
Кучумова 2009 – *Кучумова Г.В.* Немецкоязычный роман 1980–2000 гг.: курс на демифологизацию. Самара: Самар. гуманит. акад., 2009. 152 с.
Кучумова 2017 – *Кучумова Г.В.* Художественное слово: новые аксиологические координаты (на материале романов Томаса Бруссига) // Художественное слово в пространстве культуры: интермедальность в контексте исследований зарубежной литературы: коллективная монография. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2017. С. 321–334. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35101388>.

Луман 2005 – Луман Н. Реальность масс-медиа / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Практис, 2005. 256 с. URL: https://iphras.ru/uplfile/socep/luman_realnost_massm.pdf.

Осовский 2015 – Осовский О.Е. Смеховое слово как один из аспектов наследия М.М. Бахтина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8–2. С. 24–28.

References

Mentalitätswandel... 2000 – *Mentalitätswandel in der deutschen Literatur zur Einheit (1990–2000)*. Wehdeking Volker (Hrsg.) Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2000, 248 p. [in German].

Wiener 2003 – *Wiener Ralph*. Hinter vorgehaltener Hand – der politische Witz in Deutschland. Leipzig: Militzke, 2003, 221 p. [in German].

Bakhtin 1996–2012 – *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kultur, 1996–2012 [in Russian].

Bakhtin 1965 – *Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekovya i Rennsansa* [Works by Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. M.: Khudozh. lit., 1965, 543 p. [in Russian].

Bakhtin 1986 – *Bakhtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles]. M.: Khudozh. literatura, 1986, 543 p. [in Russian].

Vitgenshtein 1985 – *Vitgenshtein L.S. Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. M., 1985. Issue 16. Linguistic grammar, pp. 79–97 [in Russian].

Eliseeva 2015 – *Eliseeva A.V. Anekdoticheskii diskurs o natsional'nostyakh i stranakh v nemetskoj literature*

rubezha XX–XXI vekov [Anecdotic discourse about countries and nationalities in the German literature at the turn of the 20th and 21th centuries]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2015, no. 2 (2), pp. 74–79. Available at: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2015_-_2-2_unicode/12.pdf [in Russian].

Kuchumova 2009 – *Kuchumova G.V. Nemetskoyazychnyi roman 1980–2000 gg.: kurs na demifologizatsiyu* [German-language novel of 1980–2000: course for demythologization]. Samara: Samar. gumanit. akad., 2009, 152 p. [in Russian].

Kuchumova 2017 – *Kuchumova G.V. Khudozhestvennoe slovo: novye aksiologicheskie koordinaty (na materiale romanov Tomasa Brussiga)* [Artistic word: new axiological coordinates (based on the novels by Thomas Brussig)]. In: *Khudozhestvennoe slovo v prostranstve kultury: intermedial'nost v kontekste issledovaniy zarubezhnoi literatury: kollektivnaya monografiya* [Artistic word in the space of culture: intermediality in the context of studies of foreign literature: multi-authored monograph]. Ivanovo: Izdatel'stvo «Ivanovskii gosudarstvennyi universitet», 2017, pp. 321–334. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35101388> [in Russian].

Luhmann 2005 – *Luhmann N. Real'nost' mass-media. Per. s nem. A. Antonovskogo* [Reality of the mass media. Translated from German by A. Antonovsky]. M.: Praxis, 2005, 256 p. Available at: https://iphras.ru/uplfile/socep/luman_realnost_massm.pdf [in Russian].

Osovsky 2015 – *Osovsky O.E. Smekhovoe slovo kak odin iz aspektov naslediya M.M. Bakhtina* [The laughter word as one of the aspects of M.M. Bakhtin's works]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of Humanities and Natural Sciences], 2015, no. 8–2, pp. 24–28. Available at: <https://publikacia.net/archive/2015/8/2/6> [in Russian].